

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-55-70

УДК 93; 94; 323

Антон Крутиков

«Дайте спокойно пожить». Украинское учредительное собрание 1917–1918 гг.

Аннотация. В эпоху революционных потрясений 1917 г. Украинское учредительное собрание оказалось одной из многих попыток разрешить на практике национальный вопрос в соответствии с идеалами революционной демократии, столь популярными в постфевральской России. Вопреки надеждам организаторов, выборы в Учредительное собрание не привели к началу парламентской дискуссии и выработке политического компромисса, уступив место другим, более радикальным методам борьбы. История этого учреждения стала примером поражения идей российского либерального мессианизма, доказавших свою несостоятельность в условиях Русской революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Русская революция, Россия, Украина, Учредительное собрание, Центральная рада, Временное правительство, Гражданская война.

Идея созыва Учредительного собрания, которую традиционно называют в числе главных политических новаций, рожденных Февральской революцией, получила большую популярность не только у российских постфевральских элит. Идеалы революционной демократии оказались востребованы и среди многочисленных политических активистов, выступавших тогда от имени национальных окраин бывшей Российской империи. Такая популярность до определенной степени распространялась и на те районы западных окраин России, которые были оккупированы противником. После февраля 1917 г. новая революционная идеология с чрезвычайной быстротой распространялась по обе стороны линии фронта. Глубокая перестройка российских политических институтов, произошедшая на протяжении 1917 г., неизбежно должна была отразиться и на изменении статуса российских национальных окраин.

В этой связи далеко не случайным является тот факт, что при подготовке «Положения о выборах» во Всероссийское учредительное собрание Временное правительство зарезервировало 30 мандатов для жителей пяти оккупированных немцами губерний [Протасов, с. 84]. В 1917–1918 гг. влияние идей Временного правительства и его первых деклараций прослеживается в деятельности политических сил Литвы, Лифляндии, Финляндии и даже Польши. Например, в Литве (на территории оккупированных немцами Виленской и Ковенской губерний) один из первых конституированных орга-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorznel1000@gmail.com.

нов литовского народа — Виленская конференция в сентябре 1917 г. установила, что будущее страны должен решать «Учредительный сейм»¹.

Созыва Учредительного собрания с надеждой ожидали не только представители интеллигенции, политики и революционеры в Петрограде и участники многочисленных митингов, манифестаций и сходов в российских регионах. Его идея выступала в роли удобного инструмента для решения национального вопроса, причем востребованность этого инструмента многократно повышалась в условиях войны и разрастания революционной «вольницы».

Для Украины фактор линии фронта не имел решающего значения (лишь западные районы ее были оккупированы Австро-Венгрией), а политические процессы в целом походили на общероссийские. Это заметно отличало Украину от соседней Белоруссии, наполовину оккупированной германскими войсками, где при германской поддержке возникали новые территориально-политические проекты вроде идеи «Великой Литвы» или планов «автономизации народов»².

Однако развитие революции и политические изменения на Украине имели одну существенную особенность. С марта 1917 г. здесь наблюдался значительный раскол среди новых революционных элит, вызванный конфликтом между самопровозглашенной Центральной радой и Временным правительством. Формально этот конфликт так и не был преодолен на протяжении лета и осени 1917 г. и в качестве весьма болезненной нерешенной проблемы достался по наследству большевикам.

Центральная рада представляла собой орган, типичный для раннего этапа становления революционной демократии в постфевральской России. Образованная явочным порядком в Киеве 4 марта 1917 г., она объединила представителей революционных кружков и политических организаций, объявивших себя партиями, но, будучи лишена связи с массами, не выражала интересы подавляющего большинства населения украинских губерний.

Летом 1917 г., после первых месяцев эйфории от «свободы», пришедшей из Петрограда, Центральная рада предприняла ряд практических шагов по созданию на Украине собственных властных структур. Уже 10 июня 1917 г. она издала так называемый Первый универсал, в котором выдвинула идею созыва Всенародного украинского собрания, решения которого, как ясно давалось понять, будут иметь приоритет перед решениями Учредительного собрания России. Как гласил документ, новый порядок на

1 Литовские политики, сохранившие верность Антанте, созвали 1 июня 1917 г. Всероссийский Литовский сейм в Петрограде. Одна из резолюций сейма требовала созыва «на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» Учредительного собрания Литвы.

2 По словам германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, вместо неприемлемых для России терминов «аннексия» и «исправление границы» изменение политической карты на Востоке следовало оформить под видом образования здесь «самостоятельных государств». Идея «Великой Литвы» предполагала включение в ее состав части белорусских территорий, в том числе всей Гродненской губернии.

Украине должен быть установлен «избранным всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародным украинским собранием (Сеймом). Все законы, которые установят этот порядок здесь, у нас на Украине, имеет право издавать только наше Украинское собрание» [I Універсал...].

Один из авторов универсала, известный украинский политик В.К. Винниченко, объяснял такой подход довольно просто: «Ніхто краще нас не може знати, чого нам треба і які закони для нас лучші» [Там же].

Таким образом, политиками рады Украинское учредительное собрание мыслилось как форма самоопределения украинского народа и было призвано установить на территории Украины новый правовой строй, причем самостоятельно, без санкции Петрограда.

Накануне этих событий, в мае 1917 г., Киев посетил А.Ф. Керенский. Во время переговоров с российским премьером члены Центральной рады М.С. Грушевский и А.Я. Шульгин были предельно откровенны. Как отмечал Грушевский, занимавший на тот момент весьма умеренную позицию федералиста, «мы не стремимся к независимости», а хотим лишь «автономии в составе Российской федеративной республики». В такой форме, убеждал политик, «украинское движение является для России не угрозой, а сильной поддержкой; Временное правительство должно пользоваться ею, если хочет спасти Россию». А по мнению члена Союза украинских автономистов-федералистов Шульгина, «только децентрализация сможет спасти Россию, иначе страна погибнет» [Вісти...].

В подобных воззрениях не было ничего удивительного. Рада и ее лидеры чувствовали себя в Киеве далеко не так уверенно и не могли в полной мере именовать себя представителями «организованного украинского народа». Это заставляло их искать поддержки у официального Петрограда.

28 июня в Киев для переговоров с лидерами Центральной рады вновь прибыли представители Временного правительства — А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко и И.Г. Церетели. Взаимные уступки привели к появлению временного компромисса, который был оформлен в виде Второго универсала Центральной рады 3 июля 1917 г.

В этом документе украинские политики заняли гораздо более лояльную Петрограду позицию. Теперь они утверждали, что «мы, Центральная рада, всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Генеральный секретариат объявлялся «органом Временного правительства» на территории Украины, а генеральные секретари должны были утверждаться Петроградом. Признавалась необходимость пополнения рады за счет представителей других национальностей, проживающих на Украине. И самое главное — лидеры рады заявляли, что выступают «решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания» [II Універсал...].

Как вспоминал позднее современник и очевидец этих событий, лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов, «рада, на первых порах орган сугубо нацио-

нальный, превратилась в подобие регионального предпарламента, куда вошли представители и других национальностей, проживающих на Украине (пропорционально их количеству). У рады появился собственный исполнительный орган — секретариат. Секретариат также был местным отделением Временного правительства и получил от последнего формальное подтверждение своего статуса» [Чернов, с. 265].

«Эта временная ситуация, — продолжал Чернов, — должна была сохраняться до Учредительного собрания; к тому времени Центральной раде следовало подготовить проект статуса автономной Украины и закона об украинском земельном фонде» [там же].

Таким образом, налицо была явная трансформация идеи Украинского учредительного собрания (о его созыве в универсале даже не упоминалось). Приоритетом теперь становилось участие избирателей Украины во Всероссийском учредительном собрании на общих основаниях, с последующим определением статуса украинской «автономии».

Однако реальность оказалась далека от политических деклараций во Втором универсале. Позиции рады серьезно ослабила «полуботковщина» — восстание украинских частей в Киеве, проходившее 5–7 июля 1917 г., главную роль в котором сыграли солдаты «полка имени гетмана П. Полуботка». Идейным вдохновителем этого движения стал Николай Михновский, лидер «Украинского военного клуба имени гетмана Павла Полуботка», в будущем — одна из наиболее заметных фигур среди украинских националистов. По расчетам организаторов, восстание должно было привести к свержению «соглашателей» — депутатов Центральной рады во главе с Винниченко и Грушевским — и к установлению в Киеве военной диктатуры. Власти в Киеве были вынуждены обратиться за помощью к Временному правительству, которое направило на помощь раде свои войска. Восстание было окончательно подавлено 7 июля 1917 г.

Очевидец этих событий В.К. Винниченко в письме к украинскому предпринимателю и политику Е.Х. Чикаленко не скрывал своего раздражения и возмущения: «Выступление не удалось. Но они забрали оружие из арсенала, окопались в лагере и наводят террор на город. Но террор этот идет под флагом «справедливых, национальных» требований во имя спасения Украины, Центральной рады и т.п. [...] Все поголовно употребляют такие же выражения, как и мы, «революционная демократия», не исключая Грушевского, который включил слово «товарищ» в свой лексикон без всяких кавычек и нисколько не конфузится, когда его причисляют к «революционной демократии». А тем временем у большинства чрезвычайная политическая невоспитанность, непросвещенность, дикость и... ужасный национализм» [Владимир Винниченко...].

Председатель рады Грушевский, как справедливо заметил Винниченко, теперь был вынужден заигрывать одновременно и с киевским Советом (который до этого рада полностью игнорировала), и с Временным правительством (которому формально подчинялся Генеральный секретариат).

Восстание изменило расстановку сил — после июльских событий власти в Петрограде пребывали в ложной уверенности, будто именно они теперь являются хозяевами

положения. К моменту открытия Государственного совещания в Москве (август 1917 г.) Временное правительство было убеждено в укреплении своих позиций и полагало, что политическую обстановку в стране постепенно удастся нормализовать.

4 августа министры издали «Временную инструкцию Генеральному секретариату Временного управления на Украине», территория которой теперь односторонне определялась в составе всего 5 губерний — Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской. Документ имел целью не допустить распространения на Украине «революционной вольницы» и вводил множество новых ограничений, том числе в два раза сокращал количество генеральных секретарей (с 14 до 7). Из ведения украинских властей полностью изымались вопросы, связанные с военным ведомством, путями сообщения, почтой и телеграфом. При выборе генеральных секретарей вводились новые квоты для проживавших на Украине национальностей, все назначения в местных органах власти должны были согласовываться с центром [Соколова].

Ответ Центральной рады и ее лидеров был вполне предсказуем. В резолюции, принятой 9 августа, рада заявила об «империалистических тенденциях русской буржуазии в отношении Украины» и призвала ее «трудящиеся массы» к «организованной борьбе». Позднее Грушевский, хорошо усвоивший новую революционную риторику, заявил, что инструкция Временного правительства «продиктована буржуазным империализмом в отношении Украины, не отвечает потребностям ее народа и содержит в себе всевозможные препятствия для успешной деятельности новой руководящей власти Украины — ее Генерального секретариата» [Грушевський, Україна дійде свого, с. 50].

Выступление Л.Г. Корнилова и пошатнувшиеся позиции Временного правительства вновь изменили соотношение сил на Украине. Кризис нанес серьезный удар по кадетам и прочим умеренным политическим силам, способствовал активизации левых партий и дальнейшей радикализации общества.

Все чаще из Киева звучали требования признания не только национально-культурных, но и «державных» прав народов России — переустройства нового Российского государства на федеративных началах. Наилучшим выражением такой позиции стало высказывание В.К. Винниченко: «Мы поддерживаем Всероссийское учредительное собрание, поддерживаем до тех пор, пока в вопросе об организации власти оно будет стоять на принципе федеративности этой власти. Представители Украины на Всероссийском учредительном собрании будут отстаивать позицию Центральной рады, украинцы будут добиваться и требовать, чтобы центральное правительство было организовано на федеративной основе» [Киевлянин, 30 ноября 1917 г.].

21 сентября 1917 г. в Киеве собрался «Съезд народов и областей России» — представительный орган, объединивший многочисленных делегатов от российских национальных окраин и национальных меньшинств. Этот съезд, созданный по инициативе рады, демонстративно занял позицию «революционной фронды» по отношению к Временному правительству.

В своей приветственной речи к участникам съезда Грушевский так охарактеризовал возможное политическое будущее Украины: «Украина не идет через федерацию к самостоятельности, ибо государственная независимость лежит не перед нами, а за нами. Мы ранее уже объединились с Россией как независимое государство и от своих прав никогда не отрекались. Мы признаем за народами неограниченное право на самоопределение вплоть до отделения и создание собственного государства и готовы радоваться вместе с ними, когда они достигнут поставленной цели, но только с тем условием, чтобы эта полученная независимость не стала бы способом для господства и использования народностей, которые окажутся в меньшинстве в этой новой стране» [Українська Центральна Рада...].

В качестве историко-правовой базы для новых взаимоотношений с Петроградом Грушевский предлагал выделить эпоху Переяславской рады и Богдана Хмельницкого, когда, по его мнению, произошло «добровольное объединение» Украины и России в одно политическое целое. Позднее, утверждал председатель рады, права Украины в этом едином государстве неоднократно нарушались, однако Февраль 1917 г. наконец создал условия для их восстановления.

«Мы не будем говорить, — откровенно продолжал Грушевский, — что мы очень любим Российскую республику, потому что до сей поры мы от нее ничего хорошего для себя не видели. Этот старый участок, в котором нас держали бессрочно, «до окончания переписки», не может вызвать у нас симпатии. Наши симпатии может приобрести тот «дворец народов», который мы хотим сделать из России» [Там же].

Интересно отметить, что Грушевский считал федерацию эффективной формой взаимодействия нескольких независимых государств, а не шагом к обретению отдельными частями федерации независимости. Федерация могла объединять лишь тех участников, которые уже имели «державные права». Восстановление этих «державных прав», по его мнению, и должно было стать главной задачей будущего Учредительного собрания.

Таким образом, осенью 1917 г. Украинскому учредительному собранию отводилась роль законодательного органа, который должен был определить будущее Украины в составе Российского федеративного государства. Более того, для достижения намеченной цели лидеры рады планировали провести его раньше Учредительного собрания в России.

19 октября 1917 г. председатель Украинского генерального военного комитета Симон Петлюра в беседе с корреспондентом газеты «День» дал свою оценку планам политиков рады: «Мы думаем перед Всероссийским учредительным собранием созвать Учредительное собрание на Украине, которое и определит будущие взаимоотношения между Украиной и Россией и, выработав проект, внесет его на рассмотрение Всероссийского учредительного собрания. Однако сейчас мне трудно сказать, будет ли Украинское учредительное собрание создано одновременно с общим Учредительным собранием, или оно состоится позже» [Петлюра, с. 280–281].

Противоречивость высказываний Петлюры становится понятной, если учесть реакцию Временного правительства на планы Центральной рады. Новые требования, прозвучавшие из Киева в сентябре 1917 г., не встретили никакой поддержки в Петрограде. Министры кабинета Керенского по-прежнему отстаивали идею Всероссийского учредительного собрания, видя в нем единственный институт, способный учесть интересы избирателей из всех российских регионов.

В этот момент позиция Временного правительства совершенно неожиданно была поддержана «справа». Причем по форме эта поддержка скорее напоминала критику, прозвучавшую непривычно жестко. 2 сентября 1917 г. Сенат (переставший быть «правительствующим», но состоявший, как и прежде, из опытных юристов дореволюционной школы) постановил отказать в публикации инструкции Временного правительства Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г.

Причина лишь на первый взгляд была формальной: о Генеральном секретариате не существовало закона, а незаконному учреждению нельзя давать инструкции. Сенаторы отмечали, что само соглашение с радой (оформленное в ее Втором универсале) было узурпацией прав Учредительного собрания, и Временное правительство не имело на это полномочий. Российский революционер Лев Троцкий, позднее вспоминая об этих событиях, не без иронии отмечал: «...наиболее непреклонными сторонниками чистой демократии успели стать царские сенаторы. Проявляя столько храбрости, оппозиционеры справа ровно ничем не рисковали: они знали, что их оппозиция как нельзя больше придется правящим по душе» [Троцкий, с. 29].

Временное правительство действительно предпочло перейти к решительным действиям, но это случилось лишь в тот момент, когда дни его были уже сочтены. 19 октября, одновременно с заявлениями Петлюры, Керенский телеграфировал в Киев, предлагая членам Генерального секретариата «немедленно выехать в Петроград для личных объяснений». Поводом послужило их участие в «преступной агитации» за Украинское учредительное собрание. Одновременно прокурору Киевской судебной палаты было дано поручение приступить к расследованию деятельности лидеров рады и Генерального секретариата.

Октябрьский переворот в Петрограде оставил эти планы нереализованными. После прихода к власти большевиков конфликт Киева и Петрограда, разгоревшийся с новой силой, продолжался всю осень 1917 г. и к концу года принял форму полномасштабной гражданской войны.

Идея созыва Учредительного собрания Украины теперь приобретала совершенно новый смысл для киевских политиков. Если летом 1917 г. созыва Учредительного собрания требовали в основном сторонники национального самоопределения, то теперь оно стало символом консолидации тех политических сил, которые выступали оппонентами победивших в Петрограде большевиков. И если прежняя власть «февралистов» в России пала практически повсеместно и почти без сопротивления, то Украина оказалась одним из немногих российских регионов, где продолжали действовать органы,

санкционированные при Временном правительстве, — Центральная рада и ее Генеральный секретариат. Из заявлений украинских политиков, сделанных после Октябрьского переворота, следовало, что они по-прежнему отстаивали курс Февраля 1917 г., продвигали идеи федерализации государства и «спасения революции».

В связи с принятием Третьего универсала 7 ноября 1917 г. Грушевский так охарактеризовал намерения Генерального секретариата: «Грозный момент кровавой борьбы в России и на Украине, когда нет центральной власти, когда началась и все ширится гражданская война, перекидываясь уже и на Украину, требует от украинских партий решительных шагов, чтобы укрепить власть, сделать Украину базой революции и отсюда защищать достижение революции в России в целом» [Українська Центральна Рада...]. По словам политика, «после долгих размышлений и сомнений» Генеральный секретариат пришел к выводу, что единственным выходом «может быть только провозглашение Украинской Народной Республики, которая будет полноправным членом крепкого союза народов России» [Там же].

23 ноября эти заявления были конкретизированы: «Выразив в своем Универсале твердую волю силами Украинской республики спасти целостность и единство Федеративной России, мы должны немедленно принять все меры для того, чтобы выполнить эту волю на деле. Когда великорусский центр не может больше создать своими силами революционное, социалистическое правительство, которое могло бы навести в государстве порядок и утвердить право, то народы и области, которые стоят на федеральном принципе, должны прийти на помощь великорусской демократии в этом немедленном деле формирования новой революционной, по-настоящему демократической власти Российской республики» [Грушевський, Рятуймо Російську Федерацію, с. 59].

Принципиально важным, с точки зрения рады, становился вопрос о «центральной власти» и формировании нового правительства: «Центральная рада, которая до сих пор не считала желательным участвовать в формировании правительства, должна внимательно сосредоточиться на этом и немедленно поладить с областями и народами, которые стоят на той же федеральной платформе, а также с ведущими группами революционной демократии, чтобы создать новую, сильную и авторитетную власть на федеративном принципе» [Там же].

Столь громкие заявления еще не означали официального разрыва с Петроградом, но были фактически попыткой приглашения (если не принуждения) к диалогу и созданию широкой коалиции социалистических сил. Мотивы борьбы с «централизмом» большевиков в заявлениях рады просматривались вполне четко и были сформулированы на понятном современникам политическом языке: «Централистская Россия могла быть нам безразлична или ненавистна, Россия федеративная для нас ценна и нужна, и мы должны ее спасти всеми силами» [Там же].

Впрочем, реальные возможности для такого диалога были весьма ограничены, так как действующее в Петрограде «министерство социалистов» рада не признавала.

Таким образом, глубинные причины конфликта рады и Совнаркома заключались в вопросе о власти, а не в мифической «поддержке Каледина» или разоружении красногвардейских частей, что в качестве формального повода было использовано большевиками для развязывания в конце 1917 г. Гражданской войны. Для большевиков компромисс с радой в любой форме был невозможен, а продолжение политики Временного правительства не имело перспективы. Украина при Временном правительстве фактически перестала быть управляемой — таков был итог соглашений между «революционными демократиями» Петрограда и Киева. После Октябрьского переворота политики в Киеве попытались претендовать на роль консолидирующего центра в антибольшевистской борьбе, что и предопределило их дальнейшую судьбу.

В условиях углубления конфликта с Петроградом созыв Украинского учредительного собрания приобретал для рады решающее значение. «Все наши фракции единодушно признали, что надо немедленно созвать Учредительное собрание Украины. Энергично работали две комиссии: по созыву Учредительного собрания и по выработке автономного устава. Ясно вырисовывались тяжелые препятствия для исполнения резолюций Центральной рады» [Українська Центральна Рада]. Указывая на саботаж со стороны «министерства российских социалистов» и препятствия для национального государственного строительства на Украине, лидеры рады не теряли надежды создать автономную Украинскую республику и заверяли, что созыв Украинского учредительного собрания «мы готовим и должны осуществить в кратчайшее время» [Там же].

Интересно отметить, что представители «неукраинских» партий в Центральной раде («Бунд», меньшевики и эсеры) во имя «единства фронта украинской и неукраинской демократии» поддержали идею созыва Учредительного собрания [Рафес, с. 41].

Уже 12 октября 1917 г. Центральная рада одобрила законопроект о выборах в Учредительное собрание и поручила Малой раде (Секретариату) окончательно доработать закон и провести выборы. Третий универсал Центральной рады 7 ноября 1917 г. назначил день выборов на 9 января, а день созыва Учредительного собрания — на 22 января 1918 г. В тексте документа особо подчеркивалось, что до начала работы собрания законодательная власть на Украине принадлежит исключительно Центральной раде [III Универсал...].

Выборы в Украинское учредительное собрание планировалось провести на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, руководствуясь принципом пропорционального представительства. Активное и пассивное избирательное право получили граждане обоего пола в возрасте от 20 лет. Всего предстояло избрать 301 депутата Учредительного собрания (по одному депутату на 100 тыс. населения). Согласно закону о выборах, устанавливалось 10 избирательных округов: Волынский, Екатеринославский, Киевский, Полтавский, Подольский, Харьковский, Херсонский, Черниговский, Острогжский, Таврический. Границы избирательных округов часто не совпадали с прежним административным делением на губернии. Так, из Волынского округа исключались районы, оккупированные противником (Владимир-Волынский и Ковельский уезд), Харьковский и Черниговский округа включали по одному уезду

Курской губернии, Острогожский округ формировался из уездов Воронежской и Курской губерний, Таврический — из трех уездов Таврической губернии.

Подготовка к выборам на Украине совпала с «борьбой за границы» — 7 ноября Центральная рада в одностороннем порядке определила, что власть Генерального секретариата распространяется, помимо прежних территорий, также на Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую губернии (без Крыма). Границы в Холмской, а также Курской и Воронежской губерниях планировалось установить на основе референдумов [III Універсал...]. Тем самым закон установил новые границы для некоторых избирательных округов по сравнению с выборами во Всероссийское учредительное собрание и создал новый округ — Острогожский. При определении территории проведения выборов широко применялся «национальный принцип», в отличие от прежнего подхода Временного правительства, определившего границы Украины в составе всего 5 губерний¹. На местах ощущалась и явная конкуренция между выборами в два представительных органа, украинский и всероссийский, которые прошли с промежутком всего в несколько недель.

Несмотря на демократизм избирательного законодательства 1917 г., в нем отразились проявления «российского либерального мессианизма», очень точно отмеченные современниками. Так, российский (и американский) социолог Питирим Сорокин (в 1917–1918 гг. — активный участник политической борьбы) указывал на оторванность положений закона от политических реалий того времени и утверждал, что «он так же годится для современной России, как вечернее платье для прогулки на лошади» [цит. по: Протасов, с. 76]. В чрезвычайных условиях революции, безвластия и Гражданской войны многие демократические положения избирательного закона оборачивались своей полной противоположностью.

В губерниях Украины спустя 3–4 недели после выборов во Всероссийское учредительное собрание избирателю предлагалось заново проголосовать за тот же список, что совершенно сбивало его с толку. В ряде местностей избиратели были настолько дезориентированы происходящим и подавлены картинами разворачивающейся в России Гражданской войны, что говорить об осознанности и свободе их выбора не приходилось.

О том, в каких условиях проходили выборы в Украинское учредительное собрание, можно судить по публикациям в местной прессе. Газета «Киевлянин» сообщала об обстановке в Полтавской губернии, где члены партии хлеборобов-собственников оказались лишены возможности реализовать свои избирательные права.

«Совет партии хлеборобов-собственников, — отмечал «Киевлянин», — приступая, ввиду предстоящих выборов в Украинское учредительное собрание, к подготовительной работе и предвыборной агитации, натолкнулся на непреодолимые препятствия вследствие создавшихся условий, когда свободы составляют прерогативы лишь од-

1 Особое совещание Временного правительства для подготовки закона о выборах в Учредительное собрание отказалось от идеи создания избирательных округов по национальному признаку.

ной группы населения, а другие их совершенно лишены. Под влиянием террора и всевозможных насилий они лишены возможности осуществлять свои гражданские права в момент столь исключительной исторической важности, как выборы в Учредительное собрание» [Киевлянин, 13 декабря 1917 г.].

Консервативный характер партии сделал ее удобной мишенью для конкурентов слева: «Местный орган печати «Полтавский день», в котором партия хлеборобов осуществила свои права на общих выборах в Российское учредительное собрание, теперь «придушен большевистским самодержавным кулаком», почему органа печати партии хлеборобов не существует в настоящее время. Затем почтовые посылки с агитационным материалом не доходят до мест назначения, телефонная станция для хлеборобов-собственников закрыта. На местах функционируют банды из дезертиров и других темных лиц, которые избивают членов партии хлеборобов-собственников. Были, например, случаи убийств, бросания бомб, издевательств и возмутительных насилий. Одному члену партии на шею набросили петлю и волокли его к ближайшему дереву. И в такой атмосфере террора, насилий все же десятки тысяч граждан Полтавщины отдали свои голоса партии хлеборобов» [Там же].

По словам авторов статьи, «анархия и покушения на права собственности дают партии, стоящей на защите принципов собственности, десятки тысяч голосов. Еще много тысяч такого населения притаилось и запугано» [Там же].

Наиболее сложной задачей была организация выборов в районах, непосредственно затронутых Гражданской войной, — Черниговской, а также Полтавской и Харьковской губерниях. Большевистские отряды к началу выборов полностью контролировали Харьковскую и Черниговскую губернии. Впрочем, их власть была прочной только в крупных городах. С мест сообщали о фактах насилия и вмешательства в избирательный процесс — вооруженные большевики переворачивали урны, разгоняли избирательные комиссии. В Черниговской губернии, в г. Сураж председатель избирательной комиссии был арестован, в Глухове застрелен председатель волостной избирательной комиссии [Чемакин].

Террор в отношении избирателей и их усталость от перманентных голосований сделали свое дело. В селе Пигаревка Черниговской губернии крестьянский сход постановил не принимать участия в выборах: «Раз голосовали — ничего не выходит, не выйдет и теперь» [Там же]. Семеновская волостная управа Новозыбковского уезда той же губернии отказалась проводить выборы, в ряде местностей явка упала в несколько раз по сравнению с предыдущим голосованием [Зенич, с. 102; Чемакин].

В итоге выборы прошли в Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Волынской и Подольской губерниях, но практически не состоялись на юге Украины, в том числе в Херсонской губернии, Таврии и Одессе.

Всего удалось избрать 172 депутата из 301 члена Учредительного собрания (это составляло более половины и формально позволяло организовать созыв). Среди них 115

мандатов получил общий список Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) и Селянской спилки (Крестьянского союза), 34 — большевики, 9 — еврейские партии, 5 — польский список. По одному представителю было избрано от украинских социал-демократов, левых эсеров, кадетов, членов «Бунда», «беспартийных русских», партии хлеборобов-собственников [Дорошенко].

Недоверие к украинской «Конституанте» проявлялось не только на юге Украины и на украинско-российском пограничье. Многие избиратели Киева оставляли на избирательных бюллетенях свои послания, выражающие их отношение к происходящему и показывающие их политические взгляды и симпатии. Эти дошедшие до нас документы можно рассматривать как подлинные «капсулы времени», содержание которых порой выглядело весьма симптоматично: «Слава нашим великим діячам Грушевському та Винниченкові», «За вільну Україну», «Боже... избавь Россию от украинских узурпаторов», «За веру, царя и Отечество. Ура! Долой хохлов!», «Дайте покой, дайте царя Михаила, ради Бога, дайте спокойно пожить», «Земли и воли не хочу, а дайте одну пару калаш» [Чемакин].

Выборы в г. Киеве принесли убедительную победу Внепартийному блоку русских избирателей во главе с В.В. Шульгиным, известному также как «русский список». Во время избирательной кампании главный редактор «Киевлянина» Василий Шульгин придавал большое значение результатам киевских выборов, вкладывая в них важный символический смысл: «В Киеве шла подготовка в Украинское учредительное собрание. Это были третьи выборы по «четырёххвостке». Для Киева эти выборы имели большое значение. Они должны были решить вопрос, считает ли себя Киев, по завещанию вещего Олега, матерью городов русских и, по наименованию Богдана Хмельницкого, землю вокруг Киева Малой Русью, или же город Кия поплывет по украинствующим болотам, имея преданного анафеме Ивана Мазепу на челе. Решение этого вопроса конкретизировалось в том смысле, что по закону в Украинском учредительном собрании от Киева должен был быть отдельный представитель. При таких условиях было очень важно, кого именно Киев изберет в Учредительное собрание» [Шульгин].

Шульгин подробно описывал и принятые в ходе избирательной кампании методы политической борьбы: «Мы печатали прокламации как на русском, так и на малороссийском языках. Последние писал молодой Грушевский, племянник старого Михаила Грушевского, автора капитального исторического труда «Украина — Русь». Как ученый он, конечно, не мог не признавать, что сначала была Русь, а потом Украина. Но все же он был завзятый украинец, в свое время получавший большие деньги за пропаганду сначала от Австрии, затем от Германии» [Там же].

Даже с учетом избирательных участков в воинских частях, где было велико число сторонников эсеров и большевиков, «русский список» Шульгина победил на январских выборах, получив 29,53% голосов избирателей. Украинские эсеры получили в Киеве 22,07%, сионисты — 9,57%, большевики — 9,3%, поляки — 6,15%, кадеты — 4,65%, меньшевики — 4,5%, украинские социал-демократы — 3,11% [Чемакин].

В целом в Киевской губернии на выборах в Украинское учредительное собрание победу одержал список УПСР и Селянской спилки, получивший 38 мандатов (под номером 1 в список был включен М.В. Грушевский). РСДРП получила 3 мандата, список Еврейского национального избирательного комитета (сионистов) — 3, Внепартийный блок русских избирателей — 1 (В.В. Шульгин).

Осознавая растущую популярность левых радикальных идей в крестьянской среде, Шульгин тем не менее с удовлетворением оценивал итоги голосования киевлян: «На последних выборах мы собрали по Киеву наибольшее число голосов. Таким образом, представителем «матери городов русских» в Южно-Русском вече (кое угодно было иным мистификаторам называть «украинским учредительным собранием») явился бы русский, что вполне, впрочем, естественно и, несомненно, вызвало бы одобрение вещи Олега, доблестного Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Богдана Хмельницкого» [Шульгин].

В связи с «протестным» голосованием киевлян интерес представляет сравнение результатов выборов в оба учредительных собрания — Украинское и Всероссийское (на территории украинских губерний). Такой анализ показывает значительный рост левых настроений среди избирателей Украины.

Список большевиков на выборах во Всероссийское учредительное собрание получил наибольшее число голосов на северо-востоке, востоке и юге Украины. В Черниговской губернии РСДРП получила 27,85%, в Екатеринославской — 17,87, Харьковской — 10,5, Херсонской — 13,18%. В то же время на Подолье партия набрала лишь 3,32% голосов, на Волыни — 4,43, в Киевской губернии — 4,04, по всем губерниям Украины — 10,32%.

Однако уже в январе 1918 г. большевики получили в Черниговской губернии 51% голосов, в Киеве — 9,3, а в целом по Украине — 20% голосов избирателей, улучшив вдвое достигнутый ранее результат.

Украинская партия социалистов-революционеров на выборах в Учредительное собрание России получила высокую поддержку в Харьковской и Киевской губерниях, а также на Волыни и в Подолии. В 9 избирательных округах (без фронтовых округов и Черноморского флота) партия набрала всего 56,97% голосов избирателей. На январских выборах 1918 г. УПСР традиционно сохранила сильные позиции в центре и на западе Украины и в целом значительно улучшила свои результаты, набрав около 70% голосов.

После январских выборов очевидными становились не только «большевизация» северных и восточных украинских губерний, но и рост радикальных и националистических настроений в центре и на западе. Оформился территориальный и идейный раскол, явственно напоминающий линии современных политических изломов на Украине. Конфликт между представителями крайних революционных идеологий оказался разрешен не в парламентских дискуссиях, а в ходе Гражданской войны.

Шульгин объяснял радикализацию украинского избирателя особенностью крестьянского менталитета и успешной агитацией УПСР, учитывающей этот менталитет: «Ведь в революционной завирухе мазепинцы весьма ловко воспользовались лозунгом «Кто не украинец (т.е. мазепинец), тот не получит помещичьей земли!» Жадность к панской земле была в то время такова, что превозмогла всякие прочие расчеты» [Шульгин]. Весьма опасное смешение социальных и национальных мотивов в политической борьбе на Украине стало сознательным ходом левых партий (как украинских эсеров, так и, позднее, большевиков) и напрямую отразилось на развитии революции и ходе Гражданской войны [Крутиков, с. 122–124].

Четвертый универсал Центральной рады, принятый 9(22) января 1918 г., провозгласил Украину «самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным суверенным государством украинского народа» и ни о какой федеративной связи с Россией уже не упоминал [IV Універсал...]. Учредительное собрание теперь рассматривалось как форма конституирования отдельного украинского государства, хотя стремительное развитие военных событий ставило под вопрос реалистичность таких планов.

Запланированный на январь 1918 г. созыв Украинского учредительного собрания так и не состоялся из-за вступления в Киев большевистских войск М.А. Муравьева и бегства Центральной рады.

После заключения Брест-Литовского мира, когда деятели Украинской народной республики вернулись в Киев и привели с собой в столицу немецкие войска, вопрос об Учредительном собрании снова был поставлен на повестку дня.

9 апреля 1918 г. на заседании Малой рады председатель Центральной избирательной комиссии М.Н. Мороз заявил об отсутствии сведений о результатах выборов из большинства избирательных округов, а касательно некоторых мест было даже неизвестно, состоялись ли сами выборы [Чемакин].

Мнения разделились. Для политиков Рады было очевидно, что функции Учредительного собрания уже давно присвоил себе «украинский предпарламент», а принятые им четыре универсала во многом предрешали волю будущего народного представительства.

Вопрос был поставлен на голосование в Центральной раде, и в конце концов было решено все же назначить открытие Учредительного собрания на 12 мая 1918 г. [Там же]. Однако, в отличие от Всероссийского, Учредительное собрание Украины так и не было создано — этому помешал гетманский переворот 29 апреля 1918 г. Пока украинские политики в раде спорили о статусе Учредительного собрания и его программе действий, немцы привели к власти гетмана Павла Скоропадского — бывшего генерал-лейтенанта царской армии. 8 июня 1918 г. гетман прекратил споры вокруг украинской «Конституанты» и приказал ликвидировать Главную комиссию по делам о выборах в Учредительное собрание [Там же]. Отрицательное отношение гетмана к правовому наследию Временного правительства и Центральной рады не оставляло места для де-

мократических учреждений и инициатив, ставших для современников главными символами «феврализма».

Принципы революционной демократии, заложенные в идее созыва Украинского учредительного собрания, так и остались нереализованными. Несмотря на популярность новой идеологии и огромные надежды, которые возлагала на созыв Учредительного собрания Украины интеллигенция, оно не стало местом для парламентской дискуссии и выработки политического компромисса, уступив другим, более радикальным методам борьбы. Этот представительный орган, также как и его российский аналог, остался в памяти как политическая утопия, безнадежно далекая от реальности.

Литература

- Бош Е.Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М.-Л. 1925.
- Верстюк В.Ф. Центральная рада и Временное правительство (к истории украино-российских отношений в 1917 году) // Россия — Украина: история взаимоотношений. М. 1997. С. 209–218.
- Відродження. 1918. № 12, 10 квітня.
- Вісти з Української Центральної Ради. Травень 1917 р.
- Винниченко В. Відродження нації. (Історія укр. революції [марець 1917 р. — груд. 1919 р.]). Київ; Відень. 1920.
- Вишняк М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж. 1931.
- Волков С.В. 1918 год на Украине. М. 2001.
- Владимир Винниченко — Евгений Чикаленко. 20 июля 1917 г. // Є. Чикаленко, В. Винниченко. Листування. 1902–1929 роки. К. 2010. — URL: <https://project1917.ru/posts/21925###post> (дата обращения: 10.07.2020).
- Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний. (1917–1920 гг.) // Архив русской революции издаваемый И.В. Гессеном. Берлин. 1922. Т. VI. С. 161–303.
- Грушевський М.С. Рятуймо Російську Федерацію // Український історик. 2002. № 1–4. С. 59.
- Грушевський М.С. Україна дійде свого // Український історик. 2002. № 1–4. С. 50–51.
- Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр. Т. 1. Доба Центр. Ради. Ужгород. 1932. — URL: <https://elib.nlu.org.ua/view.html?&id=8732> (дата обращения: 10.07.2020).
- Зенич І. Організація виборів до Всеросійських Установчих зборів на Полтавщині // Український історичний збірник. Вип. 16. К. 2013. С. 102–118.
- Киевлянин. 30 ноября 1917 г.
- Киевлянин. 13 декабря 1917 г.
- Крутиков А.А. «Пока наша власть не окрепнет». Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг. // «Перспективы. Электронный журнал». 2019. №3 (19). С. 115–127. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/0b6/3_2019_1_115_129.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
- Мамонтов В.И. Беларусь в период германской оккупации в годы Первой мировой войны (сентябрь 1915 — ноябрь 1918 гг.). Автореферат диссертации по истории // Диссертации по гуманитарным наукам. — URL: <http://cheloveknauka.com/belarus-v-period-germanskoj-okkupatsii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-sentyabr-1915-noyabr-1918-gg#ixzz6QJ5njl3f> (дата обращения: 10.07.2020).

- Петлюра С. Статті, листи, документи. Нью-Йорк. Українська Вільна Академія Наук у США. 1956.
- Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М. 2015.
- Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М. 1997.
- Рафес М.Г. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол «Бунда»). М. 1920.
- Соколова М.В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М. 1995.
- Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 томах. Т. 2. Ч. 2. М. 1997.
- I Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-1.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- II Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-2.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- III Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-3.html>
- IV Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-4.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. К. 1996. — URL: <http://resource.history.org.ua/item/0008975> (дата обращения: 10.07.2020).
- Успенский А.А. В плену. Воспоминания офицера. М. 2015.
- Чемакин А. Демократия по-украински: «Селяне заняты грабежом складов с горилкой, выборы не состоялись...» // Украина.ру. 23.01.2019. — URL: https://ukraina.ru/history/20190123/1022374723.html?utm_medium=source&utm_source=rnews(дата обращения: 10.07.2020).
- Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М. 2007.
- Шульгин В.В. Тени, которые проходят / Сост. Р.Г. Красюков. СПб. 2012. — URL: <https://1lib.eu/book/3281099/0a2f7a?regionChanged> (дата обращения: 10.07.2020).